

ИЛИАДА

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЭПОС В ПЕРЕСКАЗЕ

Сергея Носова

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАТРИЦА

НАДЕТЬ ХИТОН И ВЗЯТЬ КИФARУ

Вместо предисловия

Все знают, что был Гомер (или не был, но все равно «был») и что есть такая вещь – «Илиада». Все о ней имеют свои представления. Многие убеждены, что они читали «Илиаду», тогда как они ошибаются. Большинство верит, что троянский конь – это оттуда. И что там Ахилла убивают в пятку. Страшно изумляются, узнав, что ни об «ахиллесовой пяте», ни о троянском коне даже нет упоминаний в «Илиаде», и вообще там всё завершается до падения Трои.

Лишь одна всеобщая убеждённость отвечает истине: читать Гомера трудно.

То, что Гомера читать, – это труд, причём не обещающий обязательного успеха, ни для кого не тайна.

Но и пересказы Гомера, вот что странно, чтение не самое увлекательное. Скучновато читать адаптации, не так разве? Гомер минус Гомер наводит уныние. Гомер без Гомера – это уже не Гомер, а его содержание.

Жанр есть такой – содержание.

Для чего читать содержание? Чтобы знать, что и где, кто куда и кого как. Для общего представления о целом. Для общего образования, как говорится. В специфических случаях – по обязанности (сдать зачёт, просветить внуков, выиграть пари...).

И Гнедич к переводу «Илиады», и Жуковский к переводу «Одиссеи» присовокупляли краткое содержание – в помощь тем, кто готов Гомера открыть через их замечательные переводы. Иной современный читатель («иной читатель...») мог бы, наверное, пожелать, чтобы оригинального – в смысле переведённого – текста было поменьше, а краткого содержания побольше. Мы его понимаем. Информативности хочется. Содержания хочется, но не самого Гомера... Пусть во всём своём содержании будет Гомер предъявлен, но не сам Гомер...

А что такое «сам Гомер» – он где?

А вот где. В горящих глазах слушателей. В том, как они внимают, разинув рты и забыв обо всём на свете. В том, как взволнованный голос, исполняющий песни эти (с их «содержанием!»), подчинив себе, не отпускает уже, а изпод тебя земля вышиблена, и ты, позабыв, что ты на пиру, плывёшь, плывёшь... что твой Одиссей по бескрайнему морю!..

Не для того создавалось всё это, чтобы наводить уныние, – наоборот, чтобы увлекать каждым словом.

А что тогда никто не скучал, слушая песнопевца, можно не сомневаться.

Странно было бы нашему современнику ждать от этих песен, от этих текстов, возраст которых на тысячелетия идёт, того же воспламеняющего заряда. Для нас они «литературные памятники», а для тех, для кого в самом деле пелись, это было что-то совершенно живое, горячее, обжигающее...

Аэд, исполнитель песен о Троянской войне или странствиях Одиссея, или (до нас не дошло) о бедствиях победителей, возвращающихся на родину, знал задачу – увлечь. И он увлекал. Потому что сам был увлечён.

Блаженны не знающие Интернета и Голливуда!.. телевизионных программ, лент новостей, газетных полос!..

Воображение у них посильнее нашего, память – лучше, язык – красивее...

Богаче был язык, говорю, и умели они воспринимать сложные тексты.

Но и мы не хотим чувствовать себя обделёнными. И мы хотим «Илиаду». Без гекзаметра и покороче. И как бы так постараться, чтобы и нас она, как их, увлекала?.. Возможно ли это?

Нет, конечно.

Совсем? Но хоть что-нибудь можно сделать?

Что-нибудь можно. Надо позвать сказителя.

Проблема всех содержаний: сказителя не хватает.

Не Гомера. Куда там!.. Просто промежуточной фигуры, посредника, исполнителя – как умеет...

Условного рассказчика, но человекоразмерно заданного. Чтобы голос у него хоть какой-нибудь был – но голос! И задача – увлечь.

Пересказами одного содержания образ песнопевца не предусмотрен.

Но: содержание плюс песнопевец – и уже чуть-чуть мы ближе к Гомеру...

Может, не прав я, но стал замечать... Мы перестаём рассказывать – от себя. Пересказывать перестаём – вообще – что бы то ни было. Мне, семилетнему, двоюродная сестра пересказывала «Трёх мушкетёров» – мы гуляли по улочкам посёлка Сиверский, и она, старше меня на пять лет, увлечённо, почти взахлёб, рассказывала всю эту длинную историю, начиная с появления д'Артаньяна в Париже. И я был увлечён не меньше её – её увлечённость мне передавалась. Потом, в классе, наверное, пятом, я прочитал роман – да, с увлечением, но вот с позиции прожитых лет – если сравнивать «увлечённости», – то та моя «сиверская» гораздо сильнее, гораздо ярче была... Или вот. Лет в четырнадцать довелось услышать: делился один человек впечатлениями от закрытого просмотра в Доме кино – при мне пересказывал фильм Кубрика (в прокате у нас Кубрик не шёл), а я слушал и словно сам на экран смотрел, – потом пересказывал сверстникам фильм увлечённо, с деталями – и от себя тоже: как сам видел, – и кажется, тоже других увлекал. (Забавно, как Кубрик становился фольклором!..) Те же страшные истории в пионерском лагере после отбоя!.. Сложно представить число звеньев в цепях передач этих страшилок... Цепи оборвались? Дети и считалок, похоже, не знают. А мы, взрослые, даже анекдоты рассказывать перестали...

Нужна фигура сказителя.

Вообразим теперь, что «Илиада» не зафиксирована письменно и что машина времени забросила нас в гомеровские времена, одновременно скорректировав наш менталитет в пользу адекватности с учётом эпохи, и мы – кто бы ждал от нас этого? – счастливые слушатели песен о Трое (круглые глаза, разинутые рты...) – восторг! А теперь вернулись, переполненные впечатлениями. И нам хочется поделиться услышанным...

Или вообразим, что традиции тех песнопевцев сохранились до наших дней, и мы – пускай с поправкой на «испорченный телефон» – традиций тех продолжатели. И хочется петь...

Иными словами – нам и флаг в руки.

Петь мы не умеем, но хотя бы пересказать!..

Не важно, что это – рассказ или под звуки как бы кифары нечто. Главное – увлечённо!

Так послы Агамемнона, посетившие в недобрый час Ахилла, застают героя за пением под ясные звуки форминги: он поёт – у себя для себя. И для Патрокла. Тот рядом. Про битвы, про подвиги. Что другие сложили. Но поёт по-своему. Как и должен сказитель. Хотя какой из него сказитель? Он другим знаменит.

Современный условный сказитель может надеяться на снисхождение. Современный сказитель может быть неуклюж.

Обозначив фигуру сказителя, наделим его способностью увлекаться. Но в меру. Должен уметь сокращать. Хорошо бы ему самому удивляться, когда удивителен

текст. От дешёвых открытий воздержится пусть. Отсутствие в «Илиаде» троянского коня пусть переживает спокойно – как факт. Пусть не боится собственных эмоций. Разрешим ему отступления (так лучше для нас). Постараемся ему доверять: его намерения добросовестны. А он, со своей стороны, пусть говорит своим языком. Мы любим короткие фразы.

И пусть, когда надо ему, чужими глазами – глазами героев – на события смотрит... Вот какой-то он будет такой, этот условный сказитель. Персонаж в маске.

Так получилось, что сначала я пересказал «Одиссею».

Тому выступлению был началом зачин:

«Не пора ли нам, братья, пересказать “Одиссею”?»

Не растекаясь мыслью по древу. Соблюдая известный порядок. Избегая, если удастся, сумбура. Собственного воображения ничуть не страшась.

Представляя, как было.

Своими словами.

Для начала по примеру Гомера поприветствуем Музу. Но конечно, по-своему (Муза-то наша):

– Муза, Муза! Будь снисходительна к нам, неумехам, невеждам. Мы тебе доверяем. Веди!..»

То же самое всё. Если здесь вместо «Одиссею» написать «Илиаду», то и получится: что хотел бы сказать сейчас.

Не пора ли нам, братья, пересказать «Илиаду»?»

Если так, то пора.

ИЛИАДА

*Гнев Ахилла воспет задолго до нас.
Воспевать что бы то ни было – не наша задача.*

*Тише, тише... Спокойнее...
Времени много прошло.*

Однако – вперёд!

ТРОЯНСКАЯ ЯЗВА

Будем держаться Гомера?
Вот и первая сцена: трупы, трупы повсюду лежат.
Но – спокойствие!.. Тише, разумнее... так мы решили...

Пой, богиня...

С призыва к богине Гомер начинает...

«Илиада» (между нами) во многом – вообще про богов.

Вот и первая, эта: не кто-нибудь – Муза.

Безупречная – как никто больше.

К остальным богам в этой славной истории много вопросов. Кто хитрит, кто падок на каверзы, кто рад доносить – выше некуда – Зевсу... Мстительны, жестоки, коварны бывают. Да и Зевс, он тоже хорош... иногда. С другой стороны, если будут кому помогать, тому поздравления наши – за признание заслуг, да и просто: смертному, значит, везёт. И напротив, наши сочувствия, если кому-то случится недоброжелатель среди олимпийцев. Хотя и бессмертны они, но всё человеческое им тоже присуще. Разве что пища другая. Амброзия и нектар. Питались бы мы так и тоже, быть может, бессмертными стали (это только гипотеза). Люб им ещё запах дыма костров – разумеется, жертвенных. Тут всё по-честному. Бёдра животных вместе с жиром предаются огню – это им; пусть вдыхают священный свой дым, остальное – пища людская, тем, кто приносит жертву богам. Единит это смертных с бессмертными. Ощущение пира. Короче, не нам их судить.

А вот Гомеровой Музе – безусловное наше спасибо. За то, что богиня призыву охотно вяля. Прямому призыву сказителя. Впрочем, что ей до нас? Мы всего лишь его робкая тень.

...Только прежде гнева Ахилла, обещанного песнопевцем, встретит нас гнев другой, куда более страшный – гнев Аполлона.

Аполлон, бог-олимпиец. И это только начало. И в самом начале – всюду трупы лежат.

Нет, не поле здесь битвы, здесь берег, военный лагерь ахейцев – он огромен, великое множество кораблей, извлечённых на сушу, на камнях подпираются брёвнами, повсеместно шатры, шалаши – слово ёмкое: кущи; многие тысячи воинов, десятый год осаждающих Трою, им бы сейчас отдыхать без волнений, – но всюду трупы, и трупы, и новые трупы, и не гаснет огонь погребальных костров...

Это мор. И начало сказания. Только-только начало...

Но при чём же здесь Аполлон?

Так это дело его божественных рук. Всем известно: если внезапная смерть – значит, цель стрела поразила. А точнее: Аполлон бьёт по мужам, Артемида – сестра его – целится в женщин. Стрелы невидимы, скоропостижны...

(Забегая вперёд, отметим, что оба они в этой войне за троянцев.)

Аполлон десять дней развлекается тем, что сегодня называли б сафари. Беспощадно – не делая выбора – стрелял в кого подвернётся...

Понимают ахейцы, что это всё неспроста, что чем-то разгневали сребролукого бога на десятом году тяжелейшей войны. Обязательно надо узнать, за что наказание, а иначе не вымолить им у Аполлона прощения.

Старейшины собрались на совет.

В каждой войске есть предсказатели, на войне без них невозможно. У ахейцев лучший – Калхас, птицегадатель. Он знает.

Знает, но боится сказать.

Ахилл (вот и он) обещает защиту ему. Пусть при всех говорит.

И что оказалось: Агамемнон, предводитель всего ахейского воинства, царь Микен, поднявший племена на войну, – он один причина наведённого мора. Наказание это ахейцем за то, что беспорочного Хриса, жреца Аполлона, оскорбил предводитель их войска.

Когда разорили Фивы, город в Троеде, состоялся обычный делёж добычи. Агамемнону досталась дочь Хриса. Отец, исполненный скорби, в лагерь к ахейцам пришёл – предлагал за пленницу выкуп. Богатый: золото, серебро... Знаком мольбы красный венок шерстяной украшал его жреческий скипетр. Ахейцы-то богатый выкуп встретили с радостью – крик одобрения повсюду раздавался; иное дело – сам Агамемнон. Он считал черноокую Хрисеиду законной наградой себе за одну из побед. Оскорбив – да ещё и с угрозами, прочь он прогнал злополучного старца. А тот, слёзы пролив, к Аполлону воззвал – просил отомстить за обиду. Взял серебряный лук Аполлон, в гнев себя приведя, спустился с Олимпа, подступил к тем кораблям и – что ему стоить? – лошаков поначалу, и мулов, и бездомных собак – фьить, фьить! (ну как – пристрелялся?) – а затем перешёл на людей: что ни выстрел, смертельная язва на теле. Вот что означает весь этот чудовищный мор.

(Медицина нашего дня эту язву называет сибирской... а лучше б её троянской назвали...)

Дело понятное всем, надо с Аполлоном мириться.

Агамемнон озлобился. Птицегадателю бросил грозный упрёк – только и способен ты на дурные известия!.. Калхас, похоже, к обидам готов – их сносит покорно. А ведь сам Аполлон его научил прорицать; больше того, утверждалось (не Гомером, другими), был он внуком самого Аполлона!

Но коль скоро так надо, Агамемнон согласен: он вернёт отцу его прекрасную дочь и гекатомбу для Аполлона, конечно, устроит, но надобно знать: лично для него это большая потеря. Хрисеиду он был готов законной жене предпочесть, в чём и признаётся публично. Моложе, станом стройнее, да и в домовитости превосходит она Клитемнестру. Она награда ему. А награды потерю следует возместить. Не оставаться же верховному без награды.

Как это? – не понимает Ахилл. Добычу уже поделили, нельзя же переделить поделённое. Будет тебе и тройная, и четверная награда, когда Зевс поможет и мы разорим Троию. Но после.

Нет, Агамемнон требует возмещения. Не надо лукавить, Ахилл. Я без награды, по-твоему, буду, а ты, значит, с наградой – неплохо придумал. Так не пойдёт. Не хотите взамен предложить равноценное, сам приду за добычей. И любой мне отдаст! Кем бы ты ни был! Будь ты хоть Одиссей, хоть Аякс, или хоть собой оставайся, Ахилл.

Вскипел Ахилл. (Тут следует предупредить о резкости выражений: хуже оскорбления собакой тогда не было...) Да кто ты такой, пёс? Чем я тебе обязан? Забираешь

лучшее, а сам ты никто без меня! Это я города разоряю – для чего спрашивается? – чтобы ты обогащался, и только? Троянцы мне плохого не делали, скот не угоняли, земли не разоряли, нас разделяют горы, – ради чего я должен воевать против Трои? Ради спасения вашей чести семейной? Да я лучше домой поверну, псина ты мерзкая. Сука. Завтра же отплывают мои мирмидонцы!

...Ну и проваливай, без тебя обойдёмся. Убивать ты умеешь, только уже повернулся на этом. Ты мне и возместишь потерю. Отдашь свою награду, свою долю, свою Брисеиду!

Да уж... Такая ссора у них.

А что Аполлон? А ничего. Собрание врагов любезной его сердцу Трои беспокоило мало его, больше занимала стрельба по ним же невидимыми стрелами: мор – значит, мор. А вот кто наблюдал за ходом собрания точно, это Гера и Афина Паллада.

Гера, как известно, одновременно жена и сестра Зевса, а Афина, как известно, родилась у Зевса из головы. Родственные связи тут сложны, но определённо есть. И что главное в нашем случае – обе богини на стороне ахейцев.

Но!

Надо следить за Ахиллом. Уж очень горячий.

Сам он (вдруг кто не знает) сын богини – ни много ни мало. Сын богини и смертного, если точнее. Не бог. Но герой. Ему, между прочим, сам Гефест доспехи куёт...

Вот так-то: обвинил Ахилл – при всех – верховного вождя Агамемнона в том, что навлёт язву на войско, а те-

перь объявляет верховный, что людей пошлёт – забрать Брисеиду, наложницу самого Ахилла...

Тут и пришёл в ярость Ахилл.

Тут исток его великого гнева.

Тут и самой Илиады – начало.

Песнь о том, как Ахилл, царь Фтии, вождь мирмидонцев, с Агамемноном, царем Микен, поссорился.

Выхватил меч...

Но Гера, она начеку: немедленно посылает Афину на землю.

Вот – незримо, только зримая для него – явилась Афина на Ахиллу.

Боги не любят светиться в нашем понимании слова – увидеть их может лишь тот, кому они сами хотят показаться.

Хвать его за кудрявые волосы; стой!

...О богиня! Ты с Олимпа спустилась посмотреть, как царь Агамемнон ведёт себя недостойно?

...Нет, Афина ему отвечает. Умерь свой гнев, ратоборец. Тише, тише, дружок...

Короче, смирись.

...Мечом не надо размахивать. Ты словами, словами его... ты умеешь...

Вот он и выразил гнев свой словами – сам (без помощи Музы).

А потом ушёл к своему кораблю – и Патрокл вместе с ним, лучший друг. И все ушли мирмидонцы к своим кораблям...

Агамемнон прислал двух послов за его Брисеидой. Отдал. Но велел передать, что желает поражения союзному войску ахейцев. Он не будет отныне сражаться за них. Как умеют – пусть без него.

День спустя страшный мор прекратился. Не потому, что боги собирались покинуть Олимп и отбыть на двенадцать дней к эфиопам. Потому – что к Аполлону снова воззвал жрец его храма, беспорочный Хрис, – благодарил и просил в этот раз пощады ахейцам. Дочь ему возвратили – с дарами – уважили старца! Корабль приплыл, сам Одиссей возглавил посольство. Тельцов привезли – с расчётом свершить гекатомбу. И точно: свершили! Аполлон жертву принял – убоготворённый. Пир удался. Все ликовали ахейцы. Было всем хорошо. Было всем хорошо.

Кроме, пожалуй, Ахилла.

Итак, мать Ахилла – морская богиня Фетида, одна из пятидесяти nereид, дочерей старца морского Нерея, бога морской глубины.

С тех пор как покинула смертного мужа, проживает в пучине морской, у отца.

Сына слышится зов ей, он дошёл до водных глубин. Донный грот покидает Фетида и являет себя среди волн перед сыном, перед могучим Ахиллом, обратившим мольбы к ней с утёса.

Захотел он ходатайства с её стороны перед Зевсом. Не шутка.

Слышит Фетида плач оскорблённого сына.

Мать! Знаешь сама всё обо мне, нет ничего, что тебе не открылось...

Знает не знает, а между тем говорит он ей, говорит, говорит – повествует историю своего унижения...

Слышит Фетида, как брали Фивы они (местные – Гипоплакийские, а не те, что в Египте, и не те, что в Греции), как досталась Агамемнону законная доля – дочь Хриса, жреца, и всю историю слышит про выкуп. У Ахилла доля своя, и бесценна она – Брисеида. А теперь у него отобрали...

Жалуется Ахилл, просит помочь.

Напоминает матери, что Зевс у неё в должниках, вправе она к нему обратиться.

Она и сама об этом помнит, конечно.

С громовержцем у неё особые отношения. Зевс ей обязан властью своей, больше того – спасением. Как-то затеяли боги заговор против Зевса, причём ближайшие родственники – Гера да Посейдон, третьим Ахилл называет Афину, но тут комментаторы поправляют Гомера: нет, Аполлон. В общем, они оковали спящего Зевса. И отобрали у него молнию. Переворот на Олимпе был бы удачным, если бы не скромная тихая Фетида. Она позвала сторукого великана, он освободил Зевса и сел рядом с ним посидеть, одним только видом перепугав мятежных родственников громовержца. Власть возвратилась к Зевсу. Помирились в итоге.

Огорчает Фетиду одно обстоятельство.

Могла бы Фетида так рассказать.

...Горе лежит на моём сердце. Правильно ль это? Мать бессмертна, а сын её – смертен. Жизнь человека и без того коротка, а у сына моего – вообще из кратчайших. Скорая предсказана гибель ему. Сам сделал выбор. Ведь было предложено как? Или ранняя гибель, но в лучах беспримерной славы, или долгая жизнь, но тихая и бесславная. Троя, конечно, падёт. А моему не пережить Трои. Рассказывают про детей моих от смертного мужа, будто я новорождённых не то в огонь погружала, не то в кипяток окунала – и все для того, чтобы на бессмертие испытать, и будто бы все опыты мои неудачными были. Пусть говорят. Ахилл мой седьмой, последний ребёнок. Водами Стикса заклят, а что толку? И зачем тогда спрашивать про ту несчастную пятку, если и так всем известно? Человеку жизнь прожить, что бессмертному глазами моргнуть. Было ли, не было ли... Не по правде всё это устроено.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА